

Сивка-бурка

Русская народная сказка

Жил-был ста-рик, и бы-ло у не-го три сы-на.

Млад-ше-го все И-ва-нуш-кой-ду-рач-ком зва-ли.

По-се-ял раз ста-рик пше-ни-цу. До-бра-я у-ро-ди-лась пше-ни-ца, да толь-ко по-ва-дил-ся кто-то ту пше-ни-цу мять да топ-тать.

Вот ста-рик и го-во-рит сы-но-вьям:

– Ми-лы-е мои де-ти! Сте-ре-ги-те пше-ни-цу каж-ду-ю ночь по о-че-ре-ди, пой-май-те во-ра.

На-ста-ла пер-ва-я ночь.

От-пра-вил-ся стар-ший сын пше-ни-цу сте-речь, да за-хо-те-лось ему спать. За-брал-ся он на се-но-вал и про-спал до ут-ра.

При-хо-дит ут-ром до-мой и го-во-рит:

– Всю-то ночь я не спал, пше-ни-цу сте-рёл! Из-зяб весь, а во-ра не ви-дел.

На вто-рую ночь по-шёл сред-ний сын. И он всю ночь про-спал на се-но-ва-ле. На тре-тью ночь при-хо-дит че-рёд И-ва-нушке-ду-рач-ку ид-ти.

По-ло-жил он пи-рог за па-зу-ху, взял ве-рёв-ку и по-шёл. При-шёл в по-ле, сел на ка-мень. Си-дит, не спит, пи-рог жу-ёт, во-ра до-жи-да-ет-ся.

В са-му-ю пол-ночь при-ска-кал на пше-ни-цу конь – од-на шер-стин-ка се-ре-бря-на-я, дру-га-я зо-ло-та-я, бе-жит – зем-ля дро-жит, из у-шей дым стол-бом ва-лит, из ноз-дрей пла-мя пы-шет.

И стал тот конь пше-ни-цу есть. Не столь-ко ест, сколь-ко ко-пы-та-ми топ-чет.

Под-крал-ся И-ва-нуш-ка к ко-ню и ра-зом на-ки-нул ему на ше-ю ве-рёв-ку.

Рва-нул-ся конь изо всех сил – не тут-то бы-ло! И-ва-нуш-ка вско-чил на не-го лов-ко и ух-ва-тил-ся креп-ко за гри-ву.

Уж конь но-сил-но-сил его по чис-ту по-лю, ска-кал-ска-кал – не мог сбро-сить!

Стал конь про-сить И-ва-нуш-ку:

– От-пус-ти ты ме-ня, И-ва-нуш-ка, на во-лю! Я те-бе за это ве-ли-кую служ-бу со-слу-жу.

– Хо-ро-шо, – от-ве-ча-ет И-ва-нушка, – от-пу-щу, да как я те-бя по-том най-ду?

– А ты вый-ди в чис-то-е по-ле, в ши-ро-ко-е раз-доль-е, свист-ни три ра-за мо-ло-дец-ким по-свис-том, гарк-ни бо-га-тыр-ским по-кри-ком: «Сив-ка-бур-ка, ве-щий ка-ур-ка, стань пе-ре-до мной, как лист пе-ред тра-вой!» – я тут и бу-ду.

От-пус-тил И-ва-нуш-ка ко-ня и взял с не-го о-бе-ща-ни-е пше-ни-цы ни-ког-да боль-ше не есть и не топ-тать.

При-шёл И-ва-нуш-ка по-ут-ру до-мой.

– Ну, рас-ска-зы-вай, что ты там ви-дел? – спра-ши-ва-ют бра-тья.

– Пой-мал я, – го-во-рит И-ва-нуш-ка, – ко-ня – од-на шер-стин-ка се-ре-бря-на-я, дру-гая зо-ло-та-я.

– А где же конь?

– Да он о-бе-щал боль-ше не за-хо-дить в пше-ни-цу, вот я его и от-пус-тил.

Не по-ве-ри-ли И-ва-нуш-ке бра-тья, по-сме-я-лись над ним вво-лю.

Да толь-ко уж с этой но-чи и вправ-ду ни-кто пше-ни-цы не тро-гал...

Ско-ро пос-ле то-го ра-зо-слал царь гон-цов по всем де-рев-ням, по всем го-ро-дам клич кли-кать:

– Со-би-рай-тесь, бо-я-ре да дво-ря-не, куп-цы да про-сты-е кре-стья-не, к ца-рю на двор. Си-дит цар-ска-я дочь Е-ле-на Пре-кра-сна-я в сво-ём вы-со-ком

те-ре-ме у о-кош-ка. Кто на ко-не до ца-рев-ны до-ско-чит да с её ру-ки зо-ло-той пер-стень сни-мет, за то-го она и за-муж пой-дёт!

Вот в у-ка-зан-ный день со-би-ра-ют-ся бра-тья е-хать к цар-ско-му дво-ру – не за-тем, что-бы са-мим ска-кать, а хоть на дру-гих по-смот-реть. А И-ва-нуш-ка с ни-ми про-сит-ся:

– Брат-цы, дай-те мне хоть ка-ку-ю–ни-будь ло-ша-дён-ку, и я по-е-ду по-смот-рю на Е-ле-ну Пре-крас-ну-ю!

– Ку-да те-бе, дур-ню! Лю-дей, что ли, хо-чешь сме-шить? Си-ди се-бе на пе-чи да зо-лу пе-ре-сы-пай!

У-е-ха-ли бра-тья, а И-ва-нуш-ка–ду-ра-чок и го-во-рит брат-ни-ным жё-нам:

– Дай-те мне лу-кош-ко, я хоть в лес пой-ду – гри-бов на-бе-ру!

Взял лу-кош-ко и по-шёл, буд-то гри-бы со-би-рать.

Вы-шел И-ва-нуш-ка в чис-то-е по-ле, в ши-ро-ко-е раз-доль-е, лу-кош-ко под куст бро-сил, а сам свист-нул мо-ло-дец-ким по-свис-том, гарк-нул бо-га-тыр-ским по-кри-ком:

– Сив-ка–бур-ка, ве-щий ка-ур-ка, стань пе-ре-до мной, как лист пе-ред тра-вой!

Конь бе-жит – зем-ля дро-жит, из у-шей дым стол-бом ва-лит, из ноз-дрей пла-мя пы-шет. При-бе-жал и стал пе-ред И-ва-нуш-кой как вко-пан-ный.

– Что у-год-но, И-ва-нуш-ка?

– Хо-чу по-смот-реть на цар-ску-ю дочь Е-ле-ну Пре-кра-сну-ю! – от-ве-ча-ет И-ва-нуш-ка.

– Ну, вле-зай ко мне в пра-во-е у-хо, в ле-во-е вы-ле-зай!

Влез И-ва-нуш-ка ко-ню в пра-во-е у-хо, а в ле-во-е вы-лез – и стал та-ким мо-лод-цем, что ни взду-мать, ни възга-дать, ни в сказ-ке ска-зать, ни пе-ром о-пи-сать! Сел на Сив-ку–бур-ку и по-ска-кал пря-мо к го-ро-ду.

На-гнал он по до-ро-ге сво-их брать-ев, про-ска-кал ми-мо них, пы-лью до-рож-ной о-сы-пал.

При-ска-кал И-ва-нуш-ка на пло-щадь – пря-мо к цар-ско-му двор-цу.

Смот-рит – на-ро-ду ви-ди-мо–не-ви-димо, а в вы-со-ком те-ре-му, у ок-на, си-дит ца-рев-на Е-ле-на Пре-кра-сна-я. На ру-ке у неё пер-стень свер-ка-ет – це-ны е-му нет! А со-бо-ю она кра-са-ви-ца из кра-са-виц. Гля-дят все на Е-ле-ну Пре-крас-ну-ю, а ни-кто не ре-ша-ет-ся до неё до-ско-чить: ни-ко-му нет о-хо-ты ше-ю се-бе ло-мать.

У-да-рил тут И-ва-нуш-ка Сив-ку–бур-ку по кру-тым бо-кам... Фырк-нул конь, за-ржал, прыг-нул – толь-ко на три брев-на до ца-рев-ны не до-прыг-нул.

У-ди-вил-ся на-род, а И-ва-нуш-ка по-вер-нул Сив-ку и у-ска-кал. Кри-чат все:
– Кто та-ков? Кто та-ков?

А И-ва-нуш-ки уж и след про-стыл. Ви-де-ли, от-ку-да при-ска-кал, не ви-де-ли, ку-да у-ска-кал.

Прим-чал-ся И-ва-нуш-ка в чис-то-е по-ле, со-ско-чил с ко-ня, влез ему в ле-во-е у-хо, а в пра-во-е вы-лез и стал по–преж-не-му И-ва-нуш-кой–ду-рач-ком.

От-пус-тил он Сив-ку–бур-ку, на-брал пол-но-е лу-кош-ко му-хо-мо-ров и при-нёс до-мой:

– Эва, ка-ки-е гриб-ки хо-ро-ши-е!

Рас-сер-ди-лись брат-ни-ны жё-ны на И-ва-нуш-ку и да-вай его ру-гать:

– Ка-ки-е ты, ду-рень, гри-бы при-нёс? Толь-ко те-бе од-но-му их и есть!

Ус-мех-нул-ся И-ва-нуш-ка, за-брал-ся на печь и си-дит.

Во-ро-ти-лись до-мой бра-тья и рас-ска-зы-ва-ют жё-нам, что они в го-ро-де ви-де-ли:

– Ну, хо-зй-ки, ка-кой мо-ло-дец к ца-рю при-ез-жал! Та-ко-го мы ср-о-ду не ви-ды-ва-ли. До ца-рев-ны толь-ко на три брев-на не до-ско-чил.

А И-ва-нуш-ка ле-жит на пе-чи да по-сме-и-ва-ет-ся:

– Брат-цы род-ны-е, а не я ли это там был?

– Ку-да те-бе, дурр-ню, там быть! Си-ди уж на пе-чи да мух ло-ви!

На дру-гой день стар-ши-е бра-тья сно-ва в го-род по-е-ха-ли, а И-ва-нуш-ка взял лу-кош-ко и по-шёл за гри-ба-ми.

Вы-шел в чис-то-е по-ле, в ши-ро-ко-е раз-доль-е, лу-кош-ко бро-сил, сам свист-нул мо-ло-дец-ким по-свис-том, гарк-нул бо-гатыр-ским по-кри-ком:

– Сив-ка–бур-ка, ве-щий ка-ур-ка, стань пе-ре-до мной, как лист пе-ред тра-вой!

Конь бе-жит – зем-ля дро-жит, из у-шей дым стол-бом ва-лит, из ноз-дрей пла-мя пы-шет.

При-бе-жал и стал пе-ред И-ва-нуш-кой как вко-пан-ный.

Влез И-ва-нуш-ка Сив-ке–бур-ке в пра-во-е ухо, а в ле-во-е вы-лез и стал мо-ло-дец мо-лод-цом. Вско-чил на ко-ня и по-ска-кал ко дво-ру.

Ви-дит – на пло-ща-ди на-ро-ду ещё боль-ше преж-не-го. Все на ца-рев-ну лю-бу-ют-ся, а ска-кать ни-кто не ду-ма-ет: бо-ят-ся шею се-бе сло-мать!

У-да-рил тут И-ва-нуш-ка сво-е-го ко-ня по кру-тым бо-кам. За-ржал Сив-ка–бур-ка, прыг-нул – толь-ко на два брев-на до ца-рев-ни-на ок-на не до-стал.

По-во-ро-тил И-ва-нуш-ка Сив-ку и у-ска-кал. Ви-де-ли, от-ку-да при-ска-кал, не ви-де-ли, ку-да ус-ка-кал.

А И-ва-нуш-ка уже в чис-том по-ле.

От-пус-тил Сив-ку–бур-ку, а сам по-шёл до-мой. Сел на печь, си-дит, до-жи-да-ет-ся бра-тьев.

При-ез-жа-ют бра-тья до-мой и рас-ска-зы-ва-ют:

– Ну, хо-зьяй-ки, тот же мо-ло-дец о-пять при-ез-жал! Не до-ско-чил до ца-рев-ны толь-ко на два брев-на.

И-ва-нуш-ка и го-во-рит им:

– Брат-цы, а не я ли это там был?

– Си-ди, ду-рень, по-мал-ки-вай!..

На тре-тий день бра-тья сно-ва со-би-ра-ют-ся е-хать, а И-ва-нуш-ка го-во-рит:

– Дай-те мне хоть пло-хонь-ку-ю ло-ша-дён-ку: по-е-ду и я с ва-ми!

– Си-ди, ду-рень, до-ма! Толь-ко те-бя там и не хва-та-ет!

Ска-за-ли и у-е-ха-ли.

И-ва-нуш-ка вы-шел в чис-то-е по-ле, в ши-ро-ко-е раз-доль-е, сам свист-нул мо-ло-дец-ким по-свист-ом, гарк-нул бо-га-тыр-ским по-кри-ком:

– Сив-ка–бур-ка, ве-щий ка-ур-ка, стань пе-ре-до мной, как лист пе-ред тра-вой!

Конь бе-жит, зем-ля дро-жит, из у-шей дым стол-бом ва-лит, из нозд-рей пла-мя пы-шет. При-бе-жал и стал пе-ред И-ва-нуш-кой как вко-пан-ный.

Влез И-ва-нуш-ка ко-ню в пра-во-е ухо, а в ле-вое вы-лез. Стал мо-ло-дец мо-лод-цом и по-ска-кал к цар-ско-му двор-цу.

При-ска-кал И-ва-нуш-ка к вы-со-ко-му те-ре-му, стег-нул Сив-ку–бур-ку плёт-кой... За-ржал конь пу-ще преж-не-го, у-да-рил о зем-лю ко-пы-та-ми, прыг-нул – и до-ско-чил до ок-на!

По-це-ло-вал И-ва-нуш-ка Е-ле-ну Пре-крас-ну-ю в а-лы-е гу-бы, снял с её паль-ца за-вет-ный пер-стень и ум-чал-ся. Толь-ко его и ви-де-ли!

Тут все за-шу-ме-ли, за-кри-ча-ли, ру-ка-ми за-ма-ха-ли:

– Дер-жи его! Ло-ви его!

А И-ва-нуш-ки и след про-стыл.

От-пус-тил он Сив-ку–бур-ку, при-шёл до-мой.

Од-на ру-ка тряп-кой об-мо-та-на.

– Что это с то-бо-ю при-клю-чи-лось? – спра-ши-ва-ют брат-ни-ны жё-ны.

– Да вот, ис-кал гри-бы, на су-чок на-ко-лол-ся...

И по-лез на печ-ку.

Вер-ну-лись бра-тья, ста-ли рас-ска-зы-вать, что и как бы-ло:

– Ну, хо-зьяй-ки, тот мо-ло-дец в э-тот раз так скак-нул, что до ца-рев-ны до-ско-чил и пер-стень с её паль-ца снял!

И-ва-нуш-ка си-дит на печ-ке да знай своё:

– Брат-цы, а не я ли это там был?

– Си-ди, ду-рень, не бол-тай зря!

Тут И-ва-нуш-ке за-хо-те-лось на ца-рев-нин дра-го-цен-ный пер-стень взгля-нуть.

Как раз-мо-тал он тряп-ку, так всю из-бу и о-си-я-ло!

– Пе-ре-стань, ду-рень, с ог-нём ба-ло-вать! – кри-чат бра-тья. – Ещё из-бу сож-жёшь. По-ра те-бя сов-сем из до-му прог-нать!

Ни-че-го им И-ва-нуш-ка не от-ве-тил, а пер-стень сно-ва тряп-кой об-вя-зал...

Че-рез три дня царь сно-ва клич кликнул: что-бы весь на-род, сколь-ко ни есть в цар-стве, со-би-рал-ся к не-му на пир и что-бы никто не смел до-ма оста-вать-ся. А кто цар-ским пи-ром по-бре-зга-ет, то-му го-ло-ву с плеч до-лой!

Не-че-го де-лать, от-пра-ви-лись бра-тья на пир, по-вез-ли с со-бой и И-ва-нуш-ку-ду-рач-ка.

При-е-ха-ли, у-се-лись за сто-лы ду-бо-вы-е, за ска-тер-ти у-зор-ча-ты-е, пьют-е-дят, раз-го-ва-ри-ва-ют.

А И-ва-нуш-ка за-брал-ся за печ-ку, в у-го-лок, и си-дит там.

Хо-дит Е-ле-на Пре-крас-ная, пот-чу-ет гос-тей. Каж-до-му под-но-сит ви-на и мё-ду, а са-ма смот-рит, нет ли у ко-го на ру-ке её пер-стень-ка за-вет-но-го. У ко-го пер-стень на ру-ке – тот и же-них её.

Толь-ко ни у ко-го перст-ня не вид-но...

О-бош-ла она всех, под-хо-дит к по-след-не-му – к И-ва-нуш-ке.

А он за печкой си-дит, о-де-жон-ка на нём ху-дая, лап-тиш-ки рва-ны-е, од-на ру-ка тряп-кой об-вя-за-на.

Бра-тья гля-дят и ду-ма-ют: «Ишь ты, ца-рев-на и на-ше-му И-ваш-ке ви-на под-но-сит!»

А Е-ле-на Прек-рас-на-я по-да-ла И-ва-нуш-ке ста-кан ви-на и спра-ши-ва-ет:

– По-че-му это у те-бя, мо-ло-дец, ру-ка об-вя-за-на?

– Хо-дил в лес по гри-бы да на сук на-ко-лол-ся.

– А ну-ка, раз-вя-жи, по-ка-жи!

Раз-вя-зал И-ва-нуш-ка ру-ку, а на паль-це у не-го ца-рев-нин пер-стень за-вет-ный: так и си-я-ет, так и свер-ка-ет!

Об-ра-до-ва-лась Е-ле-на Прек-рас-на-я, взя-ла И-ва-нуш-ку за ру-ку, под-ве-ла к от-цу и го-во-рит:

– Вот, ба-тюш-ка, мой же-них и на-шёл-ся!

У-мы-ли И-ва-нуш-ку, при-че-са-ли, о-де-ли, и стал он не И-ва-нуш-кой–ду-рач-ком, а мо-ло-дец–мо-лод-цом, пря-мо и не уз-на-ешь!

